

The Imperial Frontier in the Worldview of the Decembrists: F. N. Glinka—Romantic Christianity and Karelian Ethnography

Vladimir N. Smirnov

Saint Petersburg State University. Saint Petersburg, Russia. Email: Pustota94[at]yandex.ru

Received: 11 November 2022 | Revised: 14 May 2023 | Accepted: 23 May 2023

Abstract

The article delves into reconstructing the religious-philosophical worldview of the Decembrist Fyodor Nikolaevich Glinka, set against the backdrop of his frontier experiences during his exile in the Olonets province. His poems, “The Maiden of the Karelian Forests” and “Karelia, or the Captivity of Marfa Ivanovna Romanova,” created during his residency in Petrozavodsk, are compelling blends of the era’s literary trends, Glinka’s personal religious beliefs, and ethnographic portrayals of Karelia. Consequently, the Karelian frontier is viewed through the diverse prism of F. N. Glinka, a Russian officer, Decembrist, poet, and religious thinker, who bequeathed an extensive literary oeuvre. This research is aimed to undertake an exhaustive analysis of F. N. Glinka’s literary contributions as a Decembrist and to historically and philosophically interpret his worldview, particularly focusing on frontier themes. The study meticulously perused Glinka’s artistic pieces, ethnographic entries, religious-philosophical writings, and his epistolary body of work. Insights were gleaned on the various dimensions of his perspectives and artistic endeavors. This article may captivate those researching the history of the Karelian frontier, the artistic and philosophical imprints of the Decembrists, and scholars intrigued by the nuances of Russian public discourse in the 19th century.

Keywords

Decembrists; Empire; Civilization; Karelia; Romanticism; Historiosophy; Christianity; F. N. Glinka; Poetry; Intercultural Interaction

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Имперский фронт в мировоззрении декабристов. Ф. Н. Глинка: романтическое Христианство и карельская этнография

Смирнов Владимир Николаевич

Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, Россия.

Email: Pustota94[at]yandex.ru

Рукопись получена: 11 ноября 2022 | Пересмотрена: 14 мая 2023 | Принята: 23 мая 2023

Аннотация

Статья посвящена реконструкции религиозно-философского мировоззрения декабриста Федора Николаевича Глинки в контексте его фронтального опыта во время ссылки в Олонецкой губернии. Содержание его поэмы «Дева карельских лесов» и «Карелия, или заточение Марфы Иоанновны Романовой», создававшихся в период пребывания автора в Петрозаводске, представляют собой интересное сочетание литературных веяний эпохи, собственных религиозных идей и карельских этнографических зарисовок. Таким образом, карельский фронт предстает в сложной многоплановой оптике русского офицера, декабриста, поэта и религиозного мыслителя Ф. Н. Глинки, оставившего обширное литературное наследие. Целью исследования было провести всесторонний анализ литературного наследия декабриста Ф. Н. Глинки и осуществить историко-философскую реконструкцию его мировоззрения в контексте фронтальной тематики. В ходе исследования были детально проанализированы художественные произведения, этнографические записки, религиозно-философские тексты, эпистолярное наследие Ф. Н. Глинки. Сделаны выводы относительно различных сторон его мировоззрения и творческих опытов. Статья может быть небезынтересна как исследователям истории карельского фронта, так и историкам художественного и философского наследия декабристов, а также исследователям русской общественной мысли XIX века.

Ключевые слова

декабристы; империя; цивилизация; Карелия; романтизм; историософия; христианство; Ф. Н. Глинка; поэзия; межкультурное взаимодействие

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons "Attribution" \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

Настоящее исследование предполагает при помощи фронтирной тематики осуществить историко-философскую реконструкцию взглядов одного из участников декабристского движения – Федора Николаевича Глинки. Как и многие другие декабристы, он оказался выслан за пределы имперского центра и вынужден был провести часть своей жизни на имперской окраине. В случае с Глинкой это была Карелия, рассматриваемая здесь как северный фронтир Российской империи. Особый интерес представляет встреча европейского мировоззрения, связанного с просвещенческими идеалами, романтическими теориями, влиянием новых поэтических течений с тем этнографическим опытом, который дает пребывание на фронтире. В судьбе Глинки это вызывает еще большее любопытство, поскольку его мировоззрение отличалось столь сложным многосоставным укладом, что выделяло его даже на фоне ярких современников, делая его творчество наиболее оригинальным, по словам А. С. Пушкина (Зверев, 1990, с. 18).

Применение фронтирной теории к описанию Карелии времен пребывания там Ф. Н. Глинки представляется весьма перспективным, поскольку там прослеживаются основные фронтирные темы, описанные Ф. Дж. Тернером: наступление «цивилизации» на мир «дикости», взаимовлияние и взаимопроникновение культур, непростые взаимоотношения жителей фронта с государственной властью, межэтнические коммуникации и, наконец, экзистенциальное измерение фронтирной жизни. «Понимание фронтирного взаимодействия, в широком смысле слова, стало означать контакт (с последующими взаимными реакциями) носителей языков, идей (религий), технологий, типов хозяйствования», – пишет Тернер (2009). Все это с полным основанием можно отнести к Карелии.

Само по себе использование американской фронтирной теории применительно к истории расширения влияния Российского государства небесспорно, но методологически весьма выгодно и перспективно. Учитывая специфику сухопутной Российской империи, фронтирная теория выглядит более уместно, нежели теория «колонизации» (Якушенков и др., 2014). Таким образом, современные российские ученые существенно расширили концепцию фронта Тернера, появившуюся в конце XIX века, и приспособили ее к изучению Российского государства, для которого характерна трансгрессивность фронтирного пространства. Сложившаяся традиция фронтирных исследований позволяет обращаться к различным сюжетам, где проблематизируется оппозиция «свой–чужой». Применительно к изучению жизни и творчества Ф. Н. Глинки это позволяет просматривать фронтирные сюжеты в его мировоззрении не только непосредственно в период его ссылки на территорию фронта, хотя, конечно, этот период в данном случае представляется наиболее важным.

В силу размытости границы между центром и периферией представляется, что возможным критерием или признаком для определения некой территории как фронтальной может являться тот факт, что, находясь в составе Российского государства, эта территория не называется Россией. В письмах современников туда можно «приехать из России» или же оттуда «уехать в Россию». Это относится как к Сибири и Кавказу, так и к Карелии.

Основной методологической установкой будет сопряжение фронтальной тематики и интеллектуальной истории. Фронтальная теория выступает здесь как модель «объяснения», а интеллектуальная история в свою очередь обеспечивает методологическое «понимание». Настоящее исследование носит прежде всего не исторический, а историко-философский характер, где с опорой на фронтальный нарратив дается, с одной стороны, история идей через историю интеллектуала, а с другой – историко-философская реконструкция мировоззрения интеллектуала, оказавшегося в условиях фронтальной. Междисциплинарный потенциал¹ концепции фронта позволяет связать эти темы. Фронт понимается в данном случае, с одной стороны, применительно к конкретному региону в определенный исторический период, с другой стороны, фронт толкуется максимально широко, в том числе и на экзистенциальном уровне, где речь идет о внутренних границах и конфликтах в мировоззрении интеллектуала².

Офицер и путешественник. Россия и Европа

«Письма русского офицера» стали первым и наиболее заметным литературным успехом Ф. Н. Глинки. Как участник военных кампаний 1805–1806 года, Отечественной войны 1812 года и последующих заграничных походов, он превратил свои военные записки в полноценное литературное произведение. Как путешественник, открывающий Европу, Глинка в некотором отношении следует традиции XVIII века, «Письмам русского путешественника» Карамзина, но в то же время «Письма» Глинки являют собой уже произведение XIX века, отмеченное характерным романтическим национализмом. Как ярчайший документ эпохи, они всегда привлекали внимание исследователей русской литературы и общественной мысли. В данном случае обращение к наполеоновской публицистике Глинки необходимо для понимания его политических и историко-философских воззрений, формирующихся к тому же в условиях соприкосновения с культурой других народов.

Записки Глинки полны характерного для его эпохи романтического национализма. Русский народ, по его мнению, является едва ли не единственным освободителем Европы от наполеоновской экспансии. Это обусловлено

1 См. подробно: (Синельникова, 2020).

2 См. также: (Смирнов, 2022).

особыми качествами народного духа и соответствующей исторической миссией.

«Изнеженный потомок древних римлян уже не напевал более песен свободы под ясным небом своей Италии. Стоны рабства раздавались в лавровых лесах ее. – Угнетенный германец уныло смотрел на расцветание полей, на красоту градов своих. Он вспоминал о счастии прежней свободы, как вспоминает сирота о ласках нежной матери, уже давно в земле почившей. – Один испанец тонул в крови и бился еще на дымящихся развалинах городов под страшным заревом пожаров, опламенивших отечество его. – “Что ж сделает русский? – думали иноплеменники. А русский, послышав шум от запада текущей бури, восстал и ополчился всею крепостию своих сил”» (Глинка, 1990а, с. 156).

Все прочие народы, с точки зрения Глинки, сдавались на милость оккупантам, в том время как русские сражались до последнего, демонстрируя чудеса храбрости на страх врагам и зависть всей Европе. Причиной тому служат, по его мысли, более высокие душевные качества и чистота нравов у русских солдат: «О народ мужественный, народ знаменитый! Сохрани навеки сию чистоту во нравах, сие величие в духе, сию жаркую любовь ко хладной родине своей: будь вечно русским, как был и будешь в народах первым!» (1990а, с. 157).

В некоторых местах Глинка пишет, что борьба с Наполеоном представляет собой некое общеевропейское дело: «Вся Европа восстала на притеснителя». Глинка Ф. Н. (1990b, с. 394). В других местах наоборот, борьба русских с Наполеоном предстает чуть ли не как борьба со всей Европой: «Взволновались народы, и все силы, все оружие Европы обратилось на Россию» (с. 107). Но огромные пространства русской земли и сила русского народа позволили поглотить и затем исторгнуть захватчиков, перенести войну за пределы России. И далее: «Изумленная Европа, слезами и трауром покрытая, взирая на небо, невольно восклицает: “Велик бог земли русской, государь и народ ее!”» (с. 107).

Фраза про «русского бога» здесь очень характерна. Выражение «Велик русский бог», распространенное во время войны, даже был вынужден защищать адмирал Шишков, объясняя, что все же речь идет не о языческом национальном боге, но едином христианском, однако великом милостью к русским. Интересно, что это выражение активно использовали и участники декабристских организаций (Кюхельбекер, 1979, с. 15), и Николай I. Говоря о том, что в Саксонии местные женщины с охотой выходят замуж за русских офицеров, Глинка утверждает, что саксонки говорят: «Твой бог будет моим богом, и твое отечество моим отечеством!» (Глинка, 1990b, с. 282). Здесь он почти дословно повторяет слова из книги Руфи, и это наблюдение у него, очевидно, ассоциируется с библейской историей. Надо полагать, что в мировоззрении Глинки полнота христианской истины выражается именно в русском православии, и тем самым снимается противоречие между народно-

стью и вселенским христианским универсализмом. В дальнейшем такая схема будет проводиться славянофилами.

Тема почвы, ландшафта тоже имеет большое значение в той картине европейского противостояния, которую изображает Глинка. Россия в этой оптике отличается от всех прочих стран своим ландшафтом, который, что характерно, увязывается с духом народа. Европейские народы, живущие скученно, конечно, с его точки зрения, не могут понять огромную Россию.

«Невольно не вспомнит он, на сколь великом пространстве шара земного опочивает могущественная Россия. Вся угрюмость севера и все прелести юга заключены в пределах ее. Обширные моря на ее великом протяжении кажутся озерами. Ее столицы суть области; ее области – царства! ...» (Глинка, 1990а, с. 160).

В рассуждениях о ландшафте Глинка говорит не только о природе, но и о следах человеческой истории. Так, уже на территории Польши он отмечает большое количество замков, чего не наблюдается в России. Само собой, тут же делается вывод о том, что русские, в отличие от поляков, ограждали свое отечество любовью и, подобно спартамцам, не использовали фортификационные сооружения в таком количестве (с. 24).

Можно предположить, что сравнение со спартамцами неслучайно. Дело в том, что Древняя Спарта являла собой для многих декабристов своеобразный идеал республиканских добродетелей. Речь шла, конечно же, не о республике в современном значении и даже не в революционном значении конца XVIII – начала XIX века. Республика мыслилась как, по сути, воинское сообщество, добродетельное и аскетичное, свободное от внешнего принуждения, но со строгой внутренней иерархией и железной дисциплиной. Нужно отметить, что такое общественное устройство вовсе не противоречит монархии, где монарх предстает главным воином и первым слугой Отечества. Забегая вперед, нужно сказать, что Глинка будет писать о Николае I после его смерти именно в таком духе.

«В бозе почивший император Николай I изображен уже отрешенным от Земли. По духу мужества и бесстрашия, с которым встретил для всех страшный час смерти, Государь (облеченный в броню славянина) представлен как бы воином, отслужившим свой урочный час Отечеству и спокойно, даже радостно возвращающимся на свою дальнюю родину». (Глинка, 2011, с. 189).

Здесь имеет смысл перейти к вопросу политических воззрений русского офицера Ф. Н. Глинки и причастности его к декабристскому восстанию, ведь именно эти события в конечном итоге приведут его изгнанником в Олонецкую губернию.

Декабрист-консерватор. Пограничье эпох

Глинка не являлся участником Северного общества, но состоял в Союзе Спасения и был виднейшим членом Союза Благоденствия, собрания которого часто проводились у него на квартире. Деятельность Глинки в Союзе Благоденствия была преимущественно просветительской и благотворительной, направленной на мирное преобразование общества. Во время наполеоновских войн он служил адъютантом у графа Милорадовича и впоследствии даже старался вовлечь его в деятельность общества (Базанов, 1957, с. 21). Глинка был противником насильственного свержения власти. В показаниях Александра Бестужева есть эпизод, где Глинка 13 декабря 1825 года в гостях у Рыльева, услышав о готовящемся выступлении, сказал: «Смотрите вы, не делайте никаких насилий» (с. 33). Вскоре после неудавшегося восстания Глинка был арестован, затем отпущен и снова арестован, заточен в Петропавловскую крепость и в июле 1826 года в гражданском чине отправлен в Олонецкую губернию.

В сущности, Глинка никогда не стремился к политической деятельности. Его волновали прежде всего вопросы нравственного совершенствования общества и мира в целом на религиозных началах. Однако это не означает, что политических воззрений у него не было. Базовым принципом здесь, конечно, был русский патриотизм и лояльность империи и имперскому принципу:

«Россия тверда! Россия крепка! Россия – луна! Ибо наше отечество составляет 1/7 долю земли, а луна в семь крат менее нашей планеты. Я представляю себе Россию, как некую могучую жену, спокойно, вопреки всего, почиющую. В головах у ней – вместо подушки – Кавказ, ногами – плещет в Балтийском море, правая рука закинута на хребет Урала, а левая – простертая за Вислу – грозит перстом Европе!.. Я знаю, я уверен, что превращать древнее течение вещей есть то же, что совать персты в мельничное колесо: персты отлетят, а колесо все идет своим ходом... Вот моя политическая вера! Вот мои мысли! Вот мои чувства!» (Следственное дело Ф. Н. Глинки, 2001, с. 130).

Романтический национализм пришел на смену эпохе Просвещения, и с декабристским восстанием увязывается окончание французского влияния (Койре, 2003, с. 27). Декабристы, конечно, находились под влиянием культуры Просвещения, английских и французских авторов. Декабрист Александр Бестужев прямо указывал на них как на источник своих крамольных побуждений. (Следственное дело А. А. Бестужева (Марлинского), 1925, с. 430). Между тем, Глинка еще в 1817 году критически высказывался о просвещенческих тенденциях и французской философии:

«Философы XVIII века, отняв у человека нравственную свободу и надежду на бессмертие, хотели сделать из благороднейшего создания автомата! – Бейль (Tome 1. Des reuvres de Bayle) уверял, что мы живем и действуем по такому же невольному побуждению, как вертушка, кружимая ветром» (Глинка, 1990с, с. 367).

Впрочем, нужно отметить не только консервативные стороны политического мировоззрения Глинки. Как и многие декабристы, особенно Северного общества, он тяготел к конституционной монархии: «Что есть конституция? – Неизменное государственное постановление, руководствующее правительство и сохраняющее права народа» (Глинка, 1990d, с. 292). Взгляд на закон у него отчасти предвосхищает некоторые славянофильские идеи: «Закон есть посредник между Богом и Государем так, как Государь между законом и народом» (с. 307). В этом отношении Глинка, как и многие другие декабристы, идеализировал екатерининскую эпоху: «Одна Екатерина осмелилась сказать, что не народы для государей, но государи созданы для народов своих» (Глинка, 1990e, с. 315).

Время царствования Екатерины Великой, которое Глинка даже застал в детстве, вероятно, считалось им едва ли не лучшим в российской истории. «Век Екатерины можно уподобить прекрасной, стройной, величественной поэме, в которой необычайность происшествий, разнообразие картин дивят и поражают каждого и всех!» (с. 315). Екатерина умела подбирать людей, выстраивая поистине симфоническое государство. Царствование просвещенного монарха и золотой век дворянства, вероятно, позволяли, по его мысли, прийти к сопряжению монархического и республиканского начала. Действительно, до определенной степени Екатерининскую эпоху можно метафорически охарактеризовать как время дворянской республики. «Екатерина, подобно Петру и другим немногим истинно великим Государям, умела находить людей. Она умела творить полководцев и министров», – пишет Глинка (с. 314). При этом имперское строительство и экспансия также важны для него в размышлениях об эпохе Екатерины: «Екатерина далеко распространит пределы державы своей! – говорили те, которые постигали могущество духа ее, – и распространила!» (с. 314).

Весьма примечательно, что в Екатерининскую эпоху возникли многие явления и тенденции, характерные для мировоззрения Глинки. Сюда относятся не только политическая культура, сочетающая абсолютную монархию и дворянские свободы. События Французской революции и восстания Пугачева развернули значительную часть российского общества, с одной стороны, к политическому консерватизму, а с другой стороны, вызвали интерес к народной стихии. Именно тогда в значительном количестве появляются работы относительно национального характера русских. Вторая половина царствования Екатерины отмечена нарастающей критикой идеологии европейского просвещения и появлением работ, утверждавших обширнейшее влияние славян на мировую историю (Валицкий, 2013, с. 19). Открытие отечественной истории и построение исторических нарративов в назидательных целях тоже было характерной чертой эпохи. Труды Щербатова по истории, а также его педагогические, «нравоучительные» интенции как нельзя лучше рифмуются с педагогическими, а порой и миссионерскими устремлениями

Глинки. Другой важной чертой эпохи было увлечение масонством и прочими религиозными, мистическими учениями. Это в мировоззрении Глинки было наиболее сущностной чертой.

Миссионер-мистик: универсальное Христианство и внутреннее пограничье

Пожалуй, говорить о творчестве Глинки нужно, имея в виду религиозную доминанту его мировоззрения, по отношению к которой уже иерархически располагаются все прочие элементы. Именно искренняя, доходящая до совершенной экзальтации религиозность отличала его среди современников. Патриотические стихи или участие в том или ином движении за усовершенствование социального порядка, гражданская и военная служба были подчинены духовным устремлениям.

Религиозное мировоззрение Глинки в значительной степени не только определяло его творчество, но и задавало своеобразные внутренние, экзистенциальные фронтиры его непростой духовной жизни. Его религиозная поэзия и проза зачастую открывают именно пограничное состояние между видением и реальностью:

«В 1822-м году, поздно вечером, сидел я в своей квартире за книгою светского содержания. Вдруг почувствовал влечение к молитве. Я занимал покои, которых окна, если стоять к ним лицом, так были расположены, что из них можно было смотреть вправо вверх по течению Невы (к стороне Невского монастыря) и влево вниз по течению той же реки, ко взморью и далее к стороне Кронштадта. Эти взгляды можно было бросать более мысленно: ибо квартира моя была не на набережной» (Глинка, 2011b, с. 92–93).

Христианство Глинки несомненно носило в себе характерные черты эпохи, где православное консервативное мировоззрение сочетается с различными духовными учениями, а также всевозможными мистическими и оккультными практиками. Одним из источников религиозного мировоззрения Глинки, в значительной степени определившей его на раннем этапе, было масонство. Он даже был избран наместником «великого мастера» в масонской ложе «Избранного Михаила» (Васильева, 2011, с. 23). В эту же ложу входили многие члены «Союза Благоденствия». Глинка издал множество стихов на масонские темы, и часто его сборники украшались масонской символикой. Помимо масонства, Глинка увлекался магнетизированием и психографией. Все эти практики он считал вполне сочетающимися с христианским вероучением.

Масонство пришло в русскую культуру в тот момент, когда просвещенческий деизм, дрейфующий в сторону атеизма, широко распространился в среде русской элиты. Масонство, хоть и порицаемое официальной церковью, для многих дало толчок к возвращению религиозности, основанной на внутренней вере. Масонские идеи и символы отчетливо прослеживаются в религиозных текстах Глинки, в частности, символика божественно света:

«Свет, изливающийся из коренного источника, – из источника Божественного средоточия, вокруг которого волнуются миры, – этот свет хотя и не освещает вполне всех людей, но всех приосеняет зарею своего отсвета. Те, которые не видят света, – впадают в безверие. – Высока и величественна мысль, – мысль, что человеку, – даже и в наше заблужденное и невежественное время, – можно возобновить чудеса, ознаменовавшие время пришествия Христа-Спасителя!» (Глинка, 2011, с. 80).

Так пишет он в заметке «Свет для всех». Наконец, единое человечество соборным усилием может победить смерть и прийти к Царству Божию:

«И если жалость – дыхание неба – растопит ледяные сердца наши и слезы польются из очей наших о распятом, то подадим друг другу руку и скажем: “Братья! Снимем Христа со креста!” – простим друг друга, обнимем друг друга, понесем тяготы друг друга, исполним заповеди Христа: отгоним злобу, отгоним свары, поживем в любви, пребудем в мире – и Христос явится между нами уже без креста, уже не распятым, но ЦАРЕМ и ЦАРСТВУЮЩИМ – Аминь!» (Глинка, 2011d, с. 78–79).

Объединение всех людей в некую духовную целокупность на основании христианского учения, в сущности, является одной из целей масонства, звучащее и в самом известном масонском произведении – Шиллеровской «Оде к радости». Следует также обратить внимание на пантеистические идеи, отчасти характерные для масонства и, очевидно, не чуждые и Глинке:

«Солнце молится, луна молится, звезды молятся, все миры молитвословят Богу. Станьте молиться и вы сольетесь с целою природою и войдете в гармонию миров, как будто пристали к общему хору вселенной» (Глинка, 2011e, с. 45).

Пантеистические мотивы представляются здесь чрезвычайно важной деталью. Через них лучше понимаются и его описания природы в карельских произведениях. Природа не представляет собой массу случайностей и не является неодушевленным механизмом. Она мыслится в пантеистическом духе как часть вселенской божественной гармонии.

Присутствует в религиозных воззрениях Глинки и характерная для романтизма, ставшая одним из магистральных направлений русской мысли идея высших личностей, которые в большей степени сопричастны Богу¹. Их жизнь целиком служит божественному провидению, и сами они обладают большей полнотой бытия, а значит, равнозначны склонны как к грешной, так и праведной жизни:

«Ясно открыто о двух разрядах людей. Одни подзаконники, честные, кроткие, дельные, нравственные, исполняют в точности Закон. Люди этого разряда ограничиваются чувством Правды, живут нравственно. Это “серебряные люди”. Другие имеют свой особенный путь, ведущий часто чрез бури страстей. Это люди, принадлежащие к области благодати, которая дает своим свободу, широту... Это люди “золотые”, ибо сама Благодать есть золото чистейшее. В аллегорическом видении мне представлялось, что исполнители закона (к которым Бог оказывал благоволение, зане честны), восходили вверх и, достигая области

1 См подробно: (Евлампиев, 2021).

благодатных, – (которые вознеслись туда чрез стремление к вечному, к Богу и жизнь религиозную) – они, эти холодные исполнители, люди серебряные, позлащались жарким златом благодати небесной» (Глинка, 2011b, с. 157).

Важным моментом в мировоззрении Глинки является представление о единстве мира именно на основании единой христианской истины. Распространение христианства не только желательно, но и неизбежно. В своих видениях он пророчит *христианизацию всех прочих культур и цивилизаций*.

«Я видел Око Божие – и над Китаем. Причем сказано: “И там воспоследуют важные перемены; и там все изменится и обновится”. Видел О и над Сибирью. Сказано: “И там возникнут, среди пустынь, цветущие Грады, и все улучшится и засветится”. <...> “Во единый день (в 1824-м году) видящий, ведомый Духом, увидел (разумными очами) великое движение на Востоке и Господа, парящего над странами Азийскими. Раздался глас: “Сужу, сужу народы моей Азии!.. И будут новые царства, новые порядки, и обновится”...» (Глинка, 2011b, с. 100–101).

Некоторые народы, по его мнению, сами способны придти к христианству в силу своего внутреннего благородства и близости их образа мыслей к христианским. Произойдет это вследствие народного движения, через борьбу и страдания. Нужно отметить, что эти визионерские откровения не лишены своей особой поэтичности:

«Тут же, как в некоей картине, показана видящему одна сцена из будущего. “Я видел (говорит видящий) прекрасную, тихую ночь, где-то в пустыне, в климате теплом. Луна желтая светила неярко, ибо только всходила на горизонте. Молодой, статный воин на коне, оседланном по-восточному, вел за собой целое конное войско. Пестрая, легко повязанная чалма на голове, большие круглые голубые глаза, небольшие усики, изжелта-смугловатый цвет лица, овально-продолговатого, полного: вот очерк предводителя. Он ехал впереди в глубокой задумчивости, которая придавала много благородства прекрасному его лицу. Войско его звенело копытами о твердую почву степи в тишине ночной”. Видевшему казалось, что действие происходило где-то около Дамаска. О иностранце сказано: “И сей, ведомый дальними пустынями, соделается Христианином”» (Глинка, 2011b, с. 101–102).

Некоторые народы, хотя и являются в значительной мере имплицитными христианами, все же нуждаются во внешнем усилии европейских миссионеров:

«В Персию (где еще и поныне есть и таится много людей, хранящих истину) христианство войдет чрез одного шаха, посредством некоторого европейца небольшого роста, в черном фраке, с лицом как бы итальянским, который приобретет доверенность Владыки» (Глинка, 2011b, с. 102).

Наиболее ярким и известным воплощением идеи высшей личности в творчестве Глинки была поэма «Таинственная капля», вышедшая в 1861 году в Германии. По цензурным соображениям в России она вышла из печати только в 1871 году, при этом была хорошо известна русскому обществу и много обсуждалась. Поэма построена вокруг народного предания об атамане разбой-

ничьей шайки, который в младенчестве был исцелен каплей молока Богородицы. Таким образом, романтический герой оказывается в постоянном противоречии между своей разбойничьей жизнью и той каплей божественной благодати, которую он всегда носит в груди. Этим разбойником был Дисмас, распятый вместе с Христом и спасенный им.

Как было замечено (Никольский, 2017), поэма Глинки носит миссионерский характер, он стремится донести христианское учение как до простого народа, так и до образованного общества. В предисловии он пишет о том, с какой радостью аборигены островов Тихого океана восприняли рассказы о Христе русских моряков. Он также пишет о том, что человечество обладает некой единой истиной, вернее ее элементами, осколками: «В древнейших верованиях Индия, Китая и религии магов, и в самых грубых верованиях недавно открытых дикарей, таится упование, что Спаситель мира должен родиться от Девы (Глинка, 1871, с. 7–8). Все народы обладают некой долей воспоминания о христианской истине, как неписанной прапамятью. Таким образом, дикари Северной Америки знают, к примеру, о Всемирном потопе. Учения Будды и Зороастра тоже основаны на этом воспоминании. Таким образом, христианская истина доступна всему человечеству и, конечно же, должна восторжествовать во всех уголках мира. Имплицитно в каждом народе земли есть часть этой истины, но она искажена различными суевериями. Поэма «Карелия, или Заточение Марфы Иоановны Романовой» была первым произведением Ф. Н. Глинки в жанре религиозной поэмы, первопродцом которого на русском языке он себя считал.

Карельские изгнанники

«Что даст мне цепь сих мертвых скал,
Эдема сладкими садами Вскормленному?
Что даст земля? Сии пустынные поля,
Древа с их горькими плодами
Что мне, изгнаннику, дадут?
Всё здесь пророчит скорбь и труд» (Глинка, 1957а, с. 308).

Высланный в гражданском чине в Олонецкую губернию, Ф. Н. Глинка, очевидно, тяготился своим изгнанием, и созвучие собственной биографии судьбе героев его карельских произведений сразу бросается в глаза. В олонецкой ссылке было создано две поэмы, посвященные карельским изгнанникам, «Дева карельских лесов» была первой из них. Поэма повествует о человеке, который по неизвестной причине скрывается от закона в карельских лесах. Причина его преследования со стороны властей таинственным образом умалчивается и неизвестна даже автору. Герой религиозен в высшей степени и смиренен перед Богом; похоронив жену, он остался жить в лесах с дочерью, которая с младенчества разделяла его одиночество и выросла неиспорченной цивилизацией:

«Как ты мила, полукарелка,
Невинная, как простота!
Твое хозяйство: клест да белка!
Твоя младая красота
Цветет и родилась в пустыне,
Далеко от отцовских стран» (Глинка, 1957а, с. 308).

Далее по сюжету появляется некий молодой человек, тоже скрывающийся в лесах, чья судьба очевидно схожа с судьбой отца девушки. Оба они считают себя невинными перед Богом, оба скрываются от закона. Новый персонаж побывал во многих странах Европы и служит своеобразным посланником цивилизации для девушки, при этом сам он тоже сохранил чистоту нравов, и их взаимоотношения носят характер братской любви. Их идиллия длится до тех пор, пока молодой человек не услышал вдалеке звуки боя. Поняв, что Отечество в опасности, он решает выйти из леса и стать солдатом:

«Скажу: хочу служить солдатом!
Солдатом заслужить вину...
Я душу им мою открою!
Я кровью прежнее омою:
Я знал... Любил... Люблю войну!» (Глинка, 1957а, с. 335).

По возвращении он приносит весть о том, что вышел царский манифест, дарующий изгнанникам свободу, и они, наконец, могут покинуть опустыленные им суровые края. Нужно отметить, что какой-то особой теплоты и привязанности к местам своего изгнания персонажи совершенно не испытывают.

Поэма «Карелия, или заточение Марфы Иоанновны Романовой» композиционно существенно сложнее. Замысел исторического полотна, где основное внимание уделялось бы истории заточения матери будущего царя Михаила Романова Марфы Иоанновны Романовой, в общем оказался лишь предлогом для тех историй, которые ей предстоит услышать по ходу повествования от греческого монаха и от местной крестьянки.

Фигура монаха является в поэме главным христианским сюжетом, в сущности, магистральной линией всего произведения. При этом монах предстает наиболее фронтирным персонажем. Его история начинается не в Карелии, а на его собственной родине, в Смирне, изображаемой в духе ориентального Востока, который тоже представляет собой фронтирную территорию, где сталкиваются разные культуры и прежде всего религии. Персонаж, будучи греком и ревностным христианином, влюбляется в мусульманку:

«О Лейла, дева молодая!
Ты вся любовь и красота!
Но ты турчанка! А святая
Любовь и вера во Христа
От детства в юноше горели» (Глинка, 1957b, с. 351).

Герой проповедует ей христианство, рассказывает библейские истории, и мусульманка обращается в христианство. Искренне приняв христианство, она хорошо усвоила все евангельские имена и события и прониклась христианской любовью. Это послужило причиной разыгравшейся трагедии:

«Узнал отец... В семействе плач,
Зовут меня, ее приводят,
Родные с шумным! гневом входят:
Отец – уж не отец, палач!
Беснуясь, саблюю кривою
С проклятьем в воздухе чертит,
И чалмоносцев ряд сидит,
Склонясь к коленам головою,
Кричат: “Пророк! Коран! Алла!”» (Глинка, 1957b, с. 353).

Новообращенная христианка оказывается тверда в своей вере: «Но Лейла руку подняла / И – молча раз перекрестилась...» (Глинка, 1957b, с. 354) и, по сути, погибает за веру. Ей, в духе романтической ориентальной трагедии, отрубает голову кривой саблей. Герой же оказывается в темнице, откуда после отправляется на север. По пути он проходит несколько европейских стран:

«Италия! Страна гробов
Неумирающих героев!
В тебе так блещет след веков,
Былых людей, чудесных боев
Сквозь тягостный забвенья прах!» (Глинка, 1957b, с. 361).

Здесь видна характерная для русской консервативной мысли оптика, где Европа представляется отжившим царством культуры. Далее герой проходит Германию:

«Он всю Германию прошел,
Искал чего-то... и случайно
Людей с неузнанною тайной
Вдали от общества нашел». (Глинка, 1957b, с. 361).

Под этими людьми с «неузнанною тайной», надо полагать, подразумеваются немецкие христианские мистики. После рассказа монаха о своей судьбе следует та часть, где местная крестьянка рассказывает несколько сказок по мотивам карельских легенд. Фигура монаха возникает снова в конце, где он, пройдя ряд духовных, мистических переживаний, сообщает царице о грядущем величии России и славном будущем ее потомков – Романовых. Вскоре из Москвы возвращается крестьянин Никанор, который приносит весть о падении Годунова и конце изгнания. Царица отвечает:

«О, пробудись, страна родная!
Он пал, самоохотный царь!
Зови царей своих законных!
Вдоеет храм твой и алтарь!..» (Глинка, 1957b, с. 396).

Мотив изгнания имеет в карельских поэмах Глинки политическое измерение. В сущности, он был и оставался монархистом и русским патриотом, поэтому рассчитывать на помилование и конец изгнанию, как это видно в первой поэме, можно только по милости царя:

«О боже сил! храни царя!
И будь наш русский царь спокоен,
Цвети твой дом, твоя семья!
В войне по славе первый воин,
И в мире первый будь судья!
Молитесь, дети! – (на колени!)
– За счастье доброго царя!..» (Глинка, 1957а, с. 338).

В «Карелии» же идет противопоставление «самоохотного царя» Годунова и законного, избранного царя Михаила Романова, чей приход сулит мир и процветание. Фигура первого Романова, избранного Земским сбором, была популярна среди декабристов, искавших сопряжения монархического принципа и дворянско-республиканского. Как было показано выше, таких воззрений придерживался и Глинка. Показательным в этом свете является тот факт, что масонская ложа «Избранного Михаила», в которую вступил Глинка в 1816 году и где познакомился с главными действующими лицами декабристской драмы, была названа именно в честь избрания первого из династии Романовых (Следственное дело Ф. Н. Глинки, 2001, с. 130).

Мотив изгнания для Глинки имеет глубокое религиозное значение, связанное с сюжетом изгнания Адама из рая. Господь смиловался над первым человеком, изгнанным из рая на чуждую безотрадную землю, и дал ему взамен терпение, наказав быть «дружным» с жизнью и с природой. При этом человек не просто изгнанник, но посланник Бога на земле, у него здесь особая миссия:

«Ты зол и хитр. А ты судьбу
Возвысить должен земнородных!
Вся тварь давно с тоскою ждет,
Когда Адамов сын пойдет,
В высоких думах благородных,
К давно забытым небесам,
К своим утраченным правам.?..» (Глинка, 1957а, с. 332).

Человек слаб и не всегда может соответствовать своему высокому предназначению. Как изгнанник на земле, он неизменно будет иметь очень сложную систему отношений с жизнью и с природой. Природа всегда занимает важное место при описании фронтирного мировоззрения имперских военных и чиновников, волею судьбы оказавшихся в объятиях чужого ландшафта.

Природа и этнография

Сама по себе природа не вызывает у Глинки особого восхищения. Она предстает именно как пустыня, для которой характерен порой в общем-то безотрадный пейзаж. «Этот полусвет, нерешительный, томный, как и в нравственном смысле всякая нерешительность, наводит уныние» (Глинка, 1957а, с. 341), – так к примеру Глинка пишет про белые ночи. Он сам и герои его произведений были здесь изгнанниками, и, как только им представилась возможность, сразу покинули эти дикие леса. Противопоставление цивилизации и природы скорее решается им в пользу цивилизации, что не позволяет однозначно поместить его персонажей в характерный для эпохи канон, навеянный Руссо и классицизмом. Глинка очевидно тоскует в своем изгнании по оставленному им европейском образу жизни, по культуре и цивилизации:

«Тут не шумели, не сливались
 Гостей веселых голоса
 С прелестной музыкой Россини,
 И европейская краса
 В сих спящих зеркалах пустыни
 Не тешилась на свой убор,
 Созданье моды прихотливой.
 <...>
 И чтоб Жуковского читали
 В тиши нагорных сих лесов?
 Еще не затвердило эхо
 Здесь звонких Пушкина стихов,
 И не был Батюшков утехой
 Ума, возвышенной души.. .
 Когда листок карельской розы
 Лежал в листах чудесной прозы
 Карамзина?..» (Глинка, 1957b, сс. 346–347).

Как и все прочие фронтиры Российской империи, Карелия *не называется Россией*: «Из дальней русския земли / В покрытой сойме привезли / И в терем заперли – за что-то!..» (Глинка, 1957b, с. 348), «Беги на Русь» (Глинка, 1957b, с. 357) – говорит один из персонажей. Природа и коренные жители предстают в единстве объекта приложения усилий. Поэма открывается этнографическими зарисовками, следующими сразу после описаний природы:

«Груба лесных карелов пища,
 Их хлеб с сосновою корой;
 Зимой им нравятся игрища:
 Там сельской тешатся игрой,
 Без музыки, под песню длинной
 Свой хоровод разводят чинной.
 Им милы яркие цветы:
 И желтый, красный, густо-синий
 В одеждах праздничных горит
 На девах и сынах пустыни.

И часто жемчуг им дарит
Поток гремучей Повенчанки,
Где легковерная форель
Хватает с жадностью приманки
И, скрывшись под густую ель,
Карелец сметливый и ловкий
Стреляет белок из винтовки» (Глинка, 1957b, сс. 347–348).

Жители Карелии предстают по отношению к русским весьма дружелюбными соседями. Впрочем, Глинка дает описание некоторых кочевых племен лопарей и самоедов как людей «диких, зверообразных, не озаренных светом христианства», при этом подчеркивается еще их безгосударственность. В силу этих причин вражда всегда живет в этих диких лесах:

«Не все могильной тишиною
Пустыни Севера полны:
Здесь часто бор кипит войною;
Враждой взаимной созваны,
Устраясь дружными толпами,
Выходят векшей племена
Лесными, тайными тропами:
У них объявлена война!» (Глинка, 1957a, с. 328).

Местные жители описываются им как обладатели светлого и холодного ума, о чем говорит их «сократическое чело», спрятанное под крестьянской шапкой. Отдельно отмечается их тяга к грамотности и повсеместное умение читать и писать (Глинка, 1957b, с. 399). Нужно отметить также характерное для эпохи представление о взаимосвязи природного ландшафта с особенностями народного духа.

Глинка в собственных примечаниях к поэме отмечает, что все, даже коренные жители Олонецкой губернии, так или иначе пришлые или бежавшие сюда люди. Исключения составляют лишь некоторые племена чуди, лопян, кареляков. Местные жители, благодаря залежам руды, освоили изготовление различных стальных предметов (кос, топоров, серпов) и продавали их на окрестных ярмарках. Глинка подчеркивает, что делалось это преимущественно без ведома местных властей. Стихийный анархизм фронтирной жизни упорядочивается вместе с приходом имперского порядка:

«При Петре I построен город Петрозаводск; учреждены чугуноплавильные заводы; найдена марциальная, целительная вода. Вся страна открыта, снабжена столбовыми дорогами и населена людьми русскими, причем большая часть мастеровых переведена из города Липецка» (Глинка, 1957b, с. 401).

Как уже говорилось, Глинка тяготится своим пребыванием в карельских лесах и стремится вернуться в Россию, «где есть дворянство и соседство» (Глинка, 1957a, с. 339). Именно отсутствие в должном объеме дворянского сословия в здешних краях тяготит его больше всего:

«Нет сомнения, что будь здесь дворянство, многие из здешних скал украсились бы приятными усадьбами, развели бы сады, может быть и пчел домашних, ибо дикие (если так можно назвать шмелей) водятся сами» (Глинка, 1957а, с. 342).

Все, кому суждено по служебным делам здесь поселиться, воспринимают свое пребывание как временное и не преобразуют окружающую реальность, не оставляют ничего после себя. Глинка предлагает там же, в примечаниях к поэме, свой план преобразования этих мест. Основным здесь будет водворение дворянства и создание колоний, поскольку край сам по себе богатый, но малолюдный (Глинка, 1957а, с. 342). В целом Глинка с большой симпатией относится к жителям Карелии именно благодаря их способности к ассимиляции, возможности включения в русскую культуру, имперское пространство и, само собой, в христианский мир. «Крестьянин, честный Никанор, / Житьем карел, душою русской» (Глинка, 1957b, с. 349) – один из главных персонажей, помогающий Марфе Иоановне Романовой переносить тягостное пребывание в этом диком крае. Его дочь Маша рассказывает ей сказки, основанные на местных легендах. Интересно, что христианские мотивы здесь переплетаются с местными языческими, где, например, лешие грустят о человеческом грехопадении:

«Поют: “Зачем он, бедный, пал,
Оброс грехом и стал так мал –
Забыл свое предназначенье!..
Был век, когда его был рай!..
Теперь, возвышенного чуждый,
Зарылся он в земные нужды...
Родись, томись и умирай!
Что день, что час – все ближе к гробу!”
Так лешие поют в лесах,
Но в бесковарных их сердцах
Они к нам не питают злобу» (Глинка, 1957b, с. 378).

Впрочем, при наличии различных местных духов, христианство в этих лесах уже властвует безраздельно:

«Но Лазарь в Мурме зазвонил
(Угодник с братией там жил) –
И духи тотчас присмирели,
И Заонега стал смирен.
Прогнал врагов вечерний звон:
То в Мурме повечерье пели...» (Глинка, 1957b, с. 381)

Речь идет здесь о Лазаре Муромском – монахе XIV века родом из Греции, который основал древнейший монастырь на онежских берегах. Надо полагать, что образ монаха был отчасти навеян именно «Житием Лазаря Муромского», о котором Глинка узнал от местного краеведа Т. В. Баландина (Пашков, 2014). Таким образом, житие христианского подвижника и этногра-

фический материал составили два источника к созданию причудливого мира религиозного фронта в карельских лесах.

Заключение

Федор Николаевич Глинка обладал очень сложным многосоставным мировоззрением, в котором, как и у многих представителей его времени, читается внутреннее *пограничье между эпохами*. Родившийся в годы царствования Екатерины Великой и умерший в предпоследний год правления Александра II, Глинка в своем мировоззрении объединял элементы разных культурных парадигм. Политические идеалы екатерининской эпохи, мистические интенции александровской эпохи, романтизм и его преодоление – все это составляло причудливую симфонию его творчества.

В письмах времен наполеоновских кампаний он являет двойственное отношение к *понятию Европы*. С одной стороны, часто проводится мысль о том, что Россия воюет со всей Европой, с Западом как таковым. С другой стороны, Отечество предстает как участник всеевропейской драмы, а русский царь именно как европейский монарх. При этом магистральный фронтирный сюжет встречи с Другим присутствует и в этот период. Россия воспринималась Ф. Н. Глинкой прежде всего как часть *христианского мира*. Все политические воззрения и художественные опыты Глинки следует рассматривать, имея в виду его непростую внутреннюю религиозность. Он был христианином, но его христианство было своеобразным конгломератом масонских учений и мистических практик, уживавшихся с традиционной православной культурой. Все его гражданские начинания были подчинены педагогическим целям улучшения нравов в христианском духе. Миссионерство было главной его интенцией.

Христианское учение у Глинки универсально и имплицитно присутствует во всех культурах мира, искаженное местными верованиями. Христианство и цивилизация для него тождественны. Распространение христианства так же неизбежно, как приход цивилизации. Христианская истина, по его мысли, рано или поздно восторжествует во всех уголках мира. Все прочие народные религиозные воззрения могут в большей или меньшей степени соответствовать этой христианской истине, а сами народы в большей или меньшей степени отвечать его представлениям о христианском благочестии.

Карелию времен пребывания там Ф. Н. Глинки можно с полным основанием отнести к фронтирным территориям Российской империи наряду с Кавказом или Сибирью. Несмотря на отсутствие смертельных противоречий между коренным населением и империей по сравнению с другими регионами, там имели место основные фронтирные сюжеты, нашедшие отражение в творчестве Ф. Н. Глинки. Карелия рисуется им как край изгнания, на который уже не распространяется действие имперских законов, где дикие леса дают

возможность укрыться от властей, а местные жители сохраняют некий стихийный анархизм. В литературном наследии Глинки Карелию можно покинуть и уехать в Россию, что лишней раз подтверждает ее статус как *фронтальной территории*. При этом приход сюда цивилизации, колонизация этих земель и установление имперского порядка для Глинки крайне желательны. Христианство и реликты местных верований существуют одновременно, и их сюжеты переплетаются как в мировоззрении местных жителей, так и в творчестве самого Глинки.

Внутренний мир Федора Николаевича Глинки всегда находится между видением и реальностью, как бы одновременно на земле и на небе. Человек, по его мысли, имеет как божественное, так и земное начало, вечно пребывая на границе между земным и небесным. Земля для него со времен Адама – край изгнания, и собственная его карельская ссылка – метафора более глобальной драмы.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 21-18-00153 «Идея империи и идея революции: два полюса русского общественно-политического мировоззрения в философии и культуре XIX–XXI веков».

The research was funded by a grant from the Russian Science Foundation, project No. 21-18-00153 “The Idea of Empire and the Idea of Revolution: Two Poles of Russian Sociopolitical Worldview in the Philosophy and Culture of the 19th–21st Centuries”.

Список литературы

- Базанов, В. (1957). Вступительная статья. В *Избранные произведения* (сс. 5–54). Советский писатель.
- Валицкий, А. (2013). *История русской мысли от просвещения до марксизма*. Канон+.
- Васильева, С. А. (2011). «Гармония мира» в творчестве Ф. Н. Глинки. В *Глинка, Ф. Н. Религиозная проза. Сны и видения* (сс. 5–38). Издательство М. Батасовой.
- Глинка, Ф. Н. (1871). *Таинственная капля. Народное предание. Часть 1*. Типография М. П. Погодина.
- Глинка, Ф. Н. (1957a). Дева карельских лесов. В *Избранные произведения* (сс. 296–342). Советский писатель.
- Глинка, Ф. Н. (1957b). Карелия, или заточение Марфы Иоанновны Романовой. В *Избранные произведения* (сс. 343–404). Советский писатель.

- Глинка, Ф. Н. (1990a). О необходимости иметь историю Отечественной войны 1812 года. В Глинка Ф. Н. *Письма к другу* (сс. 155–167). Современник.
- Глинка, Ф. Н. (1990b). *Письма русского офицера*. Правда.
- Глинка, Ф. Н. (1990c). Рассуждение о необходимости деятельной жизни, ученых упражнений и чтения книг. В Глинка Ф. Н. *Письма к другу* (сс. 351–375). Современник.
- Глинка, Ф. Н. (1990d). Мысли. В Глинка Ф. Н. *Письма к другу* (сс. 290–311). Современник.
- Глинка, Ф. Н. (1990e). Письмо третье. Прогулка в селе С... в 1811 году. В Глинка Ф. Н. *Письма к другу* (сс. 311–316). Современник.
- Глинка, Ф. Н. (2011a). Видения о Николае I. В *Религиозная проза. Сны и видения* (сс. 189–191). Издательство М. Батасовой.
- Глинка, Ф. Н. (2011b). Слова и видения (из записок видящего) 1822–1823–1824 гг. В *Религиозная проза. Сны и видения* (сс. 92–188). Издательство М. Батасовой.
- Глинка, Ф. Н. (2011c). Свет для всех. В *Религиозная проза. Сны и видения* (сс. 80–81). Издательство М. Батасовой.
- Глинка, Ф. Н. (2011d). Христа распяли. В *Религиозная проза. Сны и видения* (сс. 73–79). Издательство М. Батасовой.
- Глинка, Ф. Н. (2011e). Молитва Господи Вседержителю. В *Религиозная проза. Сны и видения* (сс. 42–50). Издательство М. Батасовой.
- Евлампиев, И. И. (2021). Идеи, традиции и «высшие личности»: Представление об истории в русской философии. Статья первая: П. Чаадаев, А. Пушкин, А. Герцен, Ф. Достоевский. *Вопросы Философии*, 1, 111–121. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-1-111-121>
- Зверев, В. (1990). Великодушный гражданин. В *Письма к другу* (сс. 5–25). Современник.
- Койре, А. (2003). *Философия и национальная проблема в России начала XIX века*. Модест Колеров.
- Кюхельбекер, В. К. (1979). Путешествие. В *Путешествие. Дневник. Статьи* (сс. 7–63). Наука.
- Никольский, Е. В. (2017). Модификация преданий о благоразумном разбойнике в поэме Ф. Н. Глинки «Таинственная капля». *Art Logos*, 1, 27–38.
- Пашков, А. М. (2014). «Житие Лазаря Муромского» как сюжетный источник поэмы Ф. Н. Глинки «Карелия». *Проблемы исторической поэтики*, 12, 112–123. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2014.735>
- Синельникова, Л. Н. (2020). Концептуальная среда фронтирного дискурса в гуманитарных науках. *Russian Journal of Linguistics*, 24(2), 467–492. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-2-467-492>
- Следственное дело Ф. Н. Глинки. (2001). В *Восстание декабристов: Документы*. Т. XX (сс. 93–144; 504–509). РОССПЭН.
- Смирнов, В. Н. (2022). Имперский фронт в мировоззрении декабристов. А. А. Бестужев-Марлинский: Романтическая историософия и экспансия на Кавказ. *Журнал Фронтирных Исследований*, 7(1), 331–352. <https://doi.org/10.46539/jfs.v7i1.382>
- Тернер, Ф. Дж. (2009). *Фронт в американской истории*. Весь Мир.
- Якушенков, С. Н., Романова, А. П., Баева, Л. В., Хлыщева, Е. В., Морозова, Е. В., & Якушенкова, О. С. (2014). Фронт как эвристическая модель историко-культурного познания: Материалы «круглого стола». *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 2014(4), 304–314.

References

- Bazanov, V. (1957). Vstupitel'naya stat'ya. In *Izbrannye proizvedeniya* (pp. 5–54). Sovetskiy pisatel'. (In Russian).
- Evlampiev, I. I. (2021). Ideas, Traditions and Higher Personalities: the Conception of History in Russian Philosophy. Article One: P. Chaadaev, A. Pushkin, A. Herzen, F. Dostoevsky. *Voprosy Filosofii*, 1, 111–121. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-1-111-121> (In Russian).
- Glinka, F. N. (1871). *Tainstvennaya kaplya. Narodnoe predanie. Chast' 1*. Tipografiya M. P. Pogodina. (In Russian).
- Glinka, F. N. (1957a). Deva karel'skikh lesov. In *Izbrannye proizvedeniya* (pp. 296–342). Sovetskiy pisatel'. (In Russian).
- Glinka, F. N. (1957b). Kareliya, ili zatochenie Marfy Ioannovny Romanovoy. In *Izbrannye proizvedeniya* (pp. 343–404). Sovetskiy pisatel'. (In Russian).
- Glinka, F. N. (1990a). O neobkhodimosti imet' istoriyu Otechestvennoy voyny 1812 goda. In *Glinka F. N. Pis'ma k drugu* (pp. 155–167). Sovremennik. (In Russian).
- Glinka, F. N. (1990b). *Pis'ma russkogo ofitsera*. Pravda. (In Russian).
- Glinka, F. N. (1990c). Rassuzhdenie o neobkhodimosti deyatel'noy zhizni, uchenykh uprazhneniy i chteniya knig. In *Glinka F. N. Pis'ma k drugu* (pp. 351–375). Sovremennik. (In Russian).
- Glinka, F. N. (1990d). Mysli. In *Glinka F. N. Pis'ma k drugu* (pp. 290–311). Sovremennik. (In Russian).
- Glinka, F. N. (1990e). Pis'mo tret'e. Progulka In sele S... In 1811 godu. In *Glinka F. N. Pis'ma k drugu* (pp. 311–316). Sovremennik. (In Russian).
- Glinka, F. N. (2011a). Videniya o Nikolae I. In *Religioznaya proza. Sny i videniya* (pp. 189–191). Izdatel'stvo M. Batasovoy. (In Russian).
- Glinka, F. N. (2011b). Slova i videniya (iz zapisok vidyashchego) 1822–1823–1824 gg. In *Religioznaya proza. Sny i videniya* (pp. 92–188). Izdatel'stvo M. Batasovoy. (In Russian).
- Glinka, F. N. (2011c). Svet dlya vsekh. In *Religioznaya proza. Sny i videniya* (pp. 80–81). Izdatel'stvo M. Batasovoy. (In Russian).
- Glinka, F. N. (2011d). Khrista raspyali. In *Religioznaya proza. Sny i videniya* (pp. 73–79). Izdatel'stvo M. Batasovoy. (In Russian).
- Glinka, F. N. (2011e). Molitva Gosподi Vsederzhitel'yu. In *Religioznaya proza. Sny i videniya* (pp. 42–50). Izdatel'stvo M. Batasovoy. (In Russian).
- Koyre, A. (2003). *Filosofiya i natsional'naya problema v Rossii nachala XIX veka*. Modest Kolerov. (In Russian).
- Kyukhel'beker, V. K. (1979). Puteshestvie. In *Puteshestvie. Dnevnik. Stat'i* (pp. 7–63). Nauka. (In Russian).
- Nikol'skiy, E. V. (2017). Modifikatsiya predaniy o blagorazumnom razboynike v poeme F. N. Glinki «Tainstvennaya kaplya». *Art Logos*, 1, 27–38. (In Russian).
- Pashkov, A. M. (2014). The Vita of Lazar of Murom as a Historical Source of Fyodor Glinka's Poem Karelia. *The Problems of Historical Poetics*, 12, 112–123. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2014.735> (In Russian).

- Sinelnikova, L. N. (2020). The conceptual environment of the frontier discourse in humanities. *Russian Journal of Linguistics*, 24(2), 467–492. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-2-467-492> (In Russian).
- Sledstvennoe delo F. N. Glinki. (2001). In *Vosstanie dekabristov: Dokumenty*: Vol. XX (pp. 93–144; 504–509). ROSSPEN. (In Russian).
- Smirnov, V. N. (2022). Imperial Frontier in the World Outlook of the Decembrists. A. A. Bestuzhev-Marlinsky: a Romantic Historiosophy and Expansion into the Caucasus. *Journal of Frontier Studies*, 7(1), 331–352. <https://doi.org/10.46539/jfs.v7i1.382> (In Russian).
- Terner, F. J. (2009). *Frontir v amerikanskoj istorii*. Ves' Mir. (In Russian).
- Valitskiy, A. (2013). *Istoriya russkoy mysli ot prosveshcheniya do marksizma*. Kanon+. (In Russian).
- Vasil'eva, S. A. (2011). «Garmoniya mira» In tvorchestve F. N. Glinki. In *Glinka, F. N. Religioznaya proza. Sny i videniya* (pp. 5–38). Izdatel'stvo M. Batasovoy. (In Russian).
- Yakushenkov, S. N., Romanova, A. P., Baeva, L. V., Khlyshcheva, E. V., Morozova, E. V., & Yakushenkova, O. S. (2014). “Frontier as a Heuristic Model of Historical and Cultural Knowledge.” Round Table. *Caspian region: Politics, Economy, Culture*, 2014(4), 304–314. (In Russian).
- Zverev, V. (1990). Velikodushnyy grazhdanin. In *Pis'ma k drugu* (pp. 5–25). Sovremennik. (In Russian).